

Мы не осознаем, что время изменилось

[Петр \(Мещеринов\), игум.](#)

Кифа: На круглом столе о подготовке к причастию Вы говорили о том, что люди, 10-15-20 лет ходившие в церковь, чувствуют усталость. Они по-разному решают эту проблему: кто-то уходит из церкви, кто-то примиряется с церковной действительностью как с рутинной. У меня возникло такое впечатление, субъективное, конечно, что эта усталость настигает людей тогда, когда они не могут соединить свою судьбу с судьбой церкви, разделить жизнь церкви так, чтобы она стала для них своей. Даже если люди работают или, страшно сказать, служат в церкви, сохраняется какое-то отчуждение. Это отчуждение ставит людей в положение зрителей. Т.е. некий театр получается. А театр рано или поздно заканчивается, зрители устают и им хочется домой. Вопрос глобальный: как человеку в церкви обрести свой дом?

Игумен Петр (Мещеринов): Вопрос действительно глобальный. Мне кажется, что его надо ставить шире, потому что это вопрос не полностью церковный, но церковно-общественный, вопрос менталитета, состояния нашего общества в целом, потому что и церковь, и общество составляют одни и те же люди. Церковь не с луны сваливается.

Проблемы, которые Вы назвали, - это общие проблемы церкви и общества. Очень многие люди в современной жизни не чувствуют себя дома. Они не устроены, они вне социальных процессов, т.е. устают и от жизни так же, как от церкви. Общество наше резко разграничено на правящий класс (элиту) и всех остальных. Такое положение дел имеет исторические корни. Общество у нас патерналистское - может быть, в этом кроется суть этих проблем.

Можно занять позицию "поиска врагов", очень популярную у нас и в церкви, от которой многие люди как раз и устали. Эта позиция заключается в том, что и церковь, и общество разрушили враги. Но ведь человечество управляется Богом, конечно, в зависимости от нравственного состояния самого человечества. И это не враги, а Господь отнял у нас монархическое устройство и дал нам больше возможности для свободы, а мы с этим не справляемся. И здесь корень проблем - мы не осознаем, что изменилось время. Мы предъявляем и к церкви, и к обществу какие-то наши патерналистские требования, которые на современном этапе уже не могут быть удовлетворены в силу объективных причин.

Плохо, что нет осознания этого. Мы постоянно смотрим назад; даже когда думаем о будущем церкви, пытаемся вернуть прошлое. Но это невозможно. Я думаю, что если бы люди начали это как-то осознавать, может быть, что-то и сдвинулось бы. Осознавать, что церковь - это не что-то постороннее, а церковь - это мы, каждый из нас. Важнейшая вещь в церкви - общинная жизнь. Может быть, это довольно расплывчатое и формальное выражение, но его смысл заключается в том, что люди друг друга знают, любят, помогают и стараются жить, насколько это возможно, общей жизнью, основанной на евангельских началах.

В обществе для этого существуют законы, государственные и общественные институты и прочее, которые ограждают, как писал Владимир Соловьев, минимум нравственности. В нашем обществе они не выполняют этой задачи. Т.е. они существуют на бумаге, а жизнь идет своим чередом. Я не собираюсь никого обвинять - это просто факт, так устроено наше

общество. Оно очень патерналистское. У нас любят говорить о соборности. На самом деле, соборность (не в догматически-церковном смысле) и исторически, и актуально даже больше свойственна западному человеку. Скажем, цеховое устройство средневековой Германии. Или соборное общество в Японии - вот уж там всё на этом строится. У нас этого нет. Еще Владимир Соловьёв писал, что у нас никакой солидарности нет, у нас все люди атомизированы. И из этого получаются те проблемы, о которых Вы сказали, - и в обществе, и в церкви.

Здесь все время какое-то "коромысло" получается. Взять, к примеру, проблему "дедовщины" в армии. В западных странах министр обороны, не решающий ситуацию, ушёл бы в отставку. Министр обороны в отставку не уходит. Может быть, он начал бы что-то делать, если бы народ собрался и сказал: "Измените положение в армии! Если не можете - уходите!" Народ не собирается, что для меня удивительно. Потому что речь идет о собственных детях. Это же не просто какие-то посторонние люди. Вот льготников лишили льгот - они вышли на улицу. А тут больше, чем льготы, тут свои дети. Но почему-то в случае "дедовщины" никакой общественной или даже просто человеческой активности не проявляется. Ну, скажем, у меня есть сын - он может попасть в армию, а там ему могут отрезать ноги или вырезать кишечник, или вообще убить, а я ничего делать не буду. Министр обороны будет выступать и говорить: "А мы тут ни при чем". Я на кухне его обругаю изо всех сил, но делать все равно ничего не буду.

И получается "коромысло". Мы обвиняем власть. Но на самом деле власть прекрасно чувствует те пределы, которые ей ставит народ. Если народ не ставит ей пределы, не хочет ставить, а, наоборот, у нас сейчас мода такая, что и "не нужно нам никакой демократии", "у нас свой путь", то получается то, что есть. Эта ситуация укрепляет пассивный, кухонный менталитет: на кухне мы все прекрасно понимаем, но в обществе это не выражаем.

Кифа: Вы говорили, отвечая на первый вопрос, что идея реставрации традиционного общества утопична. Меня кольнуло, когда на Рождественских чтениях Вы сказали о том, что в традиционном обществе было возможно воцерковлять человека, оставляя Евангелие на "втором плане". Как это работало? Почему это не может работать сейчас? Почему идея реставрации, я с этим согласен, просто недостижима?

О. Петр: Я думаю, из-за этой самой глобализации, которая у нас воспринимается всегда со знаком "минус". Если исходить из библейского взгляда на мир, то ее надо принимать как факт, отмечая стороны положительные и отрицательные. В данном случае отрицательно то, что она зиждется, конечно, не на христианском мировоззрении. Итак, если глобализацию определить просто как факт, то одна из её сторон - это расширение информационного пространства.

Сейчас традиционное общество уже невозможно, люди выросли. Это все равно, что "напяливать" на себя свою одежду 5-летнего возраста. Мы в этом возрасте себя прекрасно чувствовали - за нами всячески ухаживали, у нас не было ни забот, ни хлопот... Но мы выросли. Так же и человечество. Другое дело, что выросло оно в сторону отхода от христианства. Это гибельный путь для человечества. Но, тем не менее, по нему человечество идет, и это надо учитывать.

И потом, когда мы говорим о возвращении традиционного общества, - что это значит? Где это традиционное общество? Тут тоже надо разобраться. Мы говорим о призыве к традициям. Традициям чего? Домосковской Руси? Но мы о них практически ничего не знаем. Мы знаем, что была междоусобица. Нам она нужна? Нет. Традиции Московской Руси? Вот бояре опоздали на службу, царь их в Москву-реку приказал кинуть или на цепь

посадить. Хотим мы этого? Я думаю, что бояре не захотят сами. Московская Русь породила раскол. Потом традиции синодального времени, как о. Максим Козлов на Рождественских чтениях сказал, - самое великое время в нашей церковной истории. Я согласен с этим, но это именно история, её невозможно реставрировать.

Потом, если говорить о возвращении к вере отцов, то наши отцы - это советские люди, которые строили коммунистическое, безбожное общество. Надо отдавать себе отчет, что когда мы говорим о вере отцов и подразумеваем Святую Русь, то для нас это всего лишь некая литература. А реальная вера наших отцов - это большевизм, все эти улицы Ленина, Кирова, Дзержинского. До сих пор метро Войковская, Каховская, декабристы, нами почитаемые и т.д. - это всё до сих пор ведь тянется.

Поэтому когда призывают к возврату к традиции, то люди, естественно, возвращаются к традиции, которую они знают, т.е. к советской. А что такое советская традиция? Когда о тебе заботятся, от тебя требуется минимум и от тебя требуется лояльность. Если ты соблюдаешь минимум лояльности, то у тебя есть и пенсия, и соцобслуживание. Это для многих людей удобно.

На Рождественских чтениях один батюшка сказал, что ему необходим царь. А вот выйдите на улицу и спросите народ об этом. Люди просто посмеются - какой царь? Это мы в нашем достаточно узком, говоря правду, маргинальном церковном кругу (не больше 5-10 % общества) - подавай нам царя, подавай нам синодальное время. А люди совсем другим живут, им не нужен царь.

Получается, что мы устраиваем из церкви башню из слоновой кости, некое пространство виртуальной реальности. В нем прекрасные идеи - мы хотим традиционного общества, а жизнь идет своим чередом. И этот ход вещей отнюдь не способствует восстановлению традиции.

Вообще христианство призывает человека к осмыслению той ситуации, в которую Господь его поставил, именно с евангельской точки зрения. Евангелие не содержит призывов к социальному переустройству - к возврату в прошлое или к прыжкам в будущее, к индустриализации, к борьбе за что-то. Евангелие выстраивает совершенно отчетливую схему: из сердца человека исходит доброе или злое. В сердце человека совершается возврат к традиции, к Богу. Если таких людей накапливается некая "критическая масса", которая преодолевает общий дух общества, тогда общество становится христианским; и только так, но никакими другими путями.

***Кифа:** Меня очень "зацепил" вчера Ваш тезис о "разрыве между евангельскими и церковными ценностями". Тут еще журналистский есть интерес, потому что этот тезис звучит очень остро.*

О. Петр: Провокативно.

***Кифа:** Да. Поэтому я и отреагировал сразу. Не могли бы Вы развернуть этот тезис? И еще, как это, по Вашему мнению, преодолевается?*

О. Петр: Во-первых, Евангелие очень жестко выстраивает иерархию христианских ценностей. Вообще Евангелие вещь бескомпромиссная, черно-белая, Господь говорит: "Кто не собирает со Мною, тот расточает". Евангелие дает заповедь о любви к Богу и ближнему. И Евангелие же говорит: "Нельзя служить двум господам". Следовательно, христианину

необходимо исключить ситуацию, когда он служит двум господам, как в случае с патриотизмом.

Патриотизм вещь прекрасная, но сейчас ему очевидно придается религиозное значение. И получается служение двум господам. Чтобы этой ситуации избежать, надо посмотреть на патриотизм с евангельской точки зрения, как на исполнение заповеди Божьей о любви к ближнему и о любви к Отечеству. Так же и во всем остальном. Церковь реализует жизнь Евангелия на земле посредством таинств, догматического учения, нравственной жизни, духовного опыта и т.д. Церковные ценности, если мы их берем сами по себе, имеют свое достоинство только в том случае, если через них как раз реализуются евангельские ценности, евангельские заповеди. Но очень часто у нас получается, что Евангелие отодвигается на второй план.

Собственно под церковными ценностями я подразумеваю не церковную исконную традицию, а внешние вещи. Те, которые надо брать в кавычки: авторитет, корпорация и прочее. Они все имеют право на существование, но только в том случае, если через них выражаются евангельские ценности. Это очевидная мысль. Как это реализовывать? Это и есть дискуссионный вопрос.

***Кифа:** А какие-нибудь вдохновляющие примеры есть в окружающей действительности?*

О. Петр: В окружающей действительности я могу назвать имена митрополита Антония Сурожского и о. Александра Шмемана, которые обладали именно евангельским ощущением Православия. Естественно, сонм новомучеников, они как раз воспитывались в синодальной системе, в которой внешнецерковные ценности (государственно-церковные, державно-церковные, традиционные) ставились на первое место. И посмотрите, синодальное время кончилось, и люди разделились на мучеников, обновленцев и соглашателей. У одних Евангелие превозмогло в жизни, у других - нет.

Это надо осознавать. А для этого осознания есть серьезное препятствие. Вспомните - как первые христиане воспринимали мир? "Да прейдет мир сей, да придет благодать!" Мы же по-другому воспринимаем жизнь, для нас очень важна и ценна двухтысячелетняя история христианства или тысячелетняя история русского православия. Для нас это драгоценность - такая зримая, осязаемая, весомая... но она может заслонять собой евангельское начало, евангельское содержание. К ней легче апеллировать, ее легче показать: вот купол и колокола звонят. А что за этим стоит? Это уже показать сложнее, потому что это тайна отношений человека и Бога, души и Бога. Всегда более зримое, более материальное имеет свой перевес.

***Кифа:** Среди путей выхода из создавшейся ситуации, которые обсуждались на круглом столе о подготовке к причастию, был обозначен путь рождения евхаристической общины. Насколько, исходя из Вашего пастырского опыта, возможно существование таких общин?*

О. Петр: Община создается несколькими вещами. Прежде всего, конечно, жертвенным пастырским трудом. И здесь какой пастырь - такая община. Проблема заключается в том, что если у пастыря какое-то свое представление о церкви, то этими же представлениями заболевает и община. Если пастырь нормальный, то и община нормальная. Но нет никакой системы воспроизводства этих пастырей и этих общин. Т.е., в принципе, община это личная инициатива пастыря, не более того.

Выпуская из духовной семинарии молодого священника, церковь не ставит перед ним задачу созидания общины. Не то, чтобы его этому не учили, но как практическую задачу перед ним никто не ставит. Он поступает на приход, ему нужно служить, выстраивать

отношения с настоятелем, благочинным, архиереем, кормить семью и прочее. Если он действительно горит пастырским рвением, то он будет созидать общину. А если нет, то с него за это никто не спросит.

Самой жизнью это не востребовано. Но опять же, как в том случае с армией: почему не востребовано жизнью? Потому что община требует не только пастырского труда, но, помимо ее евхаристического центра и осознания смысла евхаристии, требует нравственной евангельской жизни от членов общины. Т.е. община есть то поле, на котором человек исполняет эти нравственные евангельские заповеди по отношению к самым непосредственным ближним.

И тут - проблема, которой я тоже коснулся на Рождественских чтениях. Она заключается в том, что для нас евангельская нравственность отнюдь не на первом месте. Для нас важны как раз ценности "церковные": посты, дисциплина, чистота Православия и прочее, и прочее. И поэтому, т.к. евангельская нравственность не воспитывается в первую очередь, то собственно нет фундамента, на котором могли бы плодотворно созидаться общины. Общину на том, что все вместе постятся или едут окунаться в какой-нибудь источник, не построишь. Это приход, вот как он есть в большинстве наших храмов.

***Кифа:** Получается, с одной стороны, все зависит от инициативы пастыря и устремления людей, но, с другой стороны, Святейшим патриархом созидание евхаристической общины поставлено как задача.*

О. Петр: Дело в том, что священноначалие постоянно говорит и настаивает на каких-то здоровых и нужных вещах. Но в силу какой-то инерции, это не воплощается в жизнь с такой скоростью, с какой бы хотелось. Есть какой-то "зазор" между священноначалием и повседневной церковной жизнью. Т.е. повседневная церковная жизнь строится совсем на других основаниях, чем те, которые хотело бы видеть священноначалие и достойные пастыри. Это действительно приходская жизнь, основанная на внешней аскетике, внешней дисциплине и полукликушеском отношении к церковной традиции, национализме и прочее. И это очень прочно.

Опять же, мне кажется, что здесь проблема скорее общества. Что бы здесь могла сделать церковь? Каков путь решения всех этих проблем? Конечно, никакая не революция, не реформация, не резкие реформы. Мы видим, что они никогда не приводили ни к чему хорошему. А начинать надо с осознания людьми в самих себе вот этих проблем. И вот на это должна быть направлена пастырская работа, чтобы люди выстроили иерархию христианских ценностей: что главное, что второстепенное. Этому должны быть посвящены проповеди, пастырские беседы и прочее.

***Кифа:** Катехизация?*

О. Петр: Да, катехизация. Все упирается вот в эту проблему катехизации. То, что молодые священники выходят на трибуну и говорят, что мне нужен позарез царь, и жить без него не могу, - это проблема катехизации. Потому что никто не объяснил людям, что царь хорошо, но до определенного момента.

***Кифа:** Я сам катехизатор одного из соборов Петербурга, и в моей практике был такой случай. Мне одна женщина из тех, кто пришел в церковь утвердиться в своих национально-патриотических убеждениях, сказала: "Ну, что Вы все о Христе. О том же и протестанты говорят".*

О. Петр: Ну, а, собственно говоря, мы с протестантами различаемся не тем, что мы говорим о Христе, а как мы реализуем эти разговоры. Мы можем и поучиться у протестантов. Хотя у них и очень усеченное учение и нет такой полноты благодатной жизни, зато у них есть одно достоинство - они свое учение воплощают в жизнь. А у нас есть прекрасное, чудесное, замечательное, учение, действительно лучшее и истинное, а в жизнь оно не воплощается. Вот мне как раз говорил человек, который из пятидесятников перешел в православие: "Мы перешли в православие, видя в нем Истину, и мы к этой Истине пришли. А когда мы пришли, то увидели, что она в жизни православных никак не воплощается".

У нас с ними много общего - вера в Христа как Бога. У нас с ними расхождения в сфере таинств, в сфере церковного предания. Но, во всяком случае, с протестантами у нас гораздо больше общего, чем с мусульманами. А сейчас идет националистическая пропаганда, которая включает в себя утверждение, что мусульмане наши братья. Поэтому у нас замечательные мусульманские друзья во внешней политике и вообще. Т.е. получается, что протестанты нам враги, а мусульмане - друзья. Абсурд, но, тем не менее, он существует. Я, конечно, не говорю о вражде с мусульманами, но о той же самой иерархии христианских ценностей.

Кифа: *Для православного человека, который принадлежит к богатейшей и древнейшей традиции, есть проблема - никто не снимает с него ответственности за его веру и за его нравственную жизнь, но он ее не берет.*

О. Петр: Да, не берет. Но это и есть патернализм. Т.е. человек приходит в церковь и отдает ей свою свободу и ответственность в обмен на то, что церковь (не в подлинном, исконном смысле этого слова, а в смысле "церковных" ценностей) даст ему "гарантию спасения". А ему теперь ничего не нужно делать, а только встроиться в так называемую соборность, которая на самом деле превращается у нас в советскую казарменность. Соборность только во Христе может быть.

Кифа: *Путь обретения этой ответственности Вы видите, прежде всего, в осознании?*

О. Петр: Прежде всего, конечно, в осознании. Если брат мой практический опыт, в том числе и работы с молодежью, то когда такое осознание наступает, то не происходит никакой реформации. Человек не перестает поститься и участвовать полноценно в обрядовой жизни, такой, какая она сейчас есть в церкви. Но он просто начинает относиться к этому так, как нужно. Т.е. все у него становится на свои места, только и всего. Осознание - великая вещь.

Вот, например, причащение на Пасху в Москве. Раньше не причащали на Пасху в Москве, а в провинции и до сих пор не причащают. Люди за последние 15 лет почитали книги. Пастырская работа многих пастырей свои положительные плоды принесла. И люди уже понимают: "Как это, на Пасху - не причащаться?!" И вот чаша выносятся. Без всяких революций, без всяких там скандалов. Один человек осознал, другой человек осознал, вот их уже десять, вот уже община. Вот уже жизнь в общине не реформируется, а просто немного меняется и возвращается к подлинной церковной традиции... Вот, мне кажется, такой путь - через осознание.

Кифа: *Осознание, связанное с просвещением?*

О. Петр: Ну, это еще Лесков: "Русь крещена, но не просвещена".

Кифа: *Но это трагическая формула. Просвещение - другое название крещения.*

О. Петр: Да, формула трагическая. Но у нас вся жизнь трагическая. Ее никак не назовешь замечательной. Но плохо не это. Плохо то, что большинство православных не видит этого трагизма, а пребывает в этой виртуальной реальности, в розовых мечтаниях и в замке из слоновой кости.

Вот пример. Я, когда пишу статьи или готовлю доклады, всегда думаю - не слишком ли это резко. А на Рождественских чтениях я убедился, что отнюдь не резко, а именно так и есть. Я там написал, что мы ходим затылками назад. Тут же один батюшка говорит: "А я считаю, что синодальный период самый лучший!" Ну, он самый лучший, но мы ж в него не вернемся. Это разные вещи - считать его исторически самым лучшим и строить жизнь так, чтобы вернуться в синодальный период. Это совершенно разные вещи. Я сказал о том, что православные жаждут царя. Тут же другой священник говорит: "Да, я жажду царя!" Я сказал, что современность не подвергается нравственной евангельской оценке, привел пример "дедовщины" в армии. Тут батюшка говорит: "Ну и подумаешь. А вот в войну заградотряды были". Т.е. полная аберрация не только евангельского, а вообще нравственного человеческого сознания - не жалко, что ли, этих людей. Оказывается, не резко я высказываюсь. Оказывается, так оно и есть. И вот именно эти проблемы - аберрация нравственного евангельского сознания и подмена церковности тем, что ею не является: придание религиозного значения патриотизму и прочее, - это следствия тех причин, которые мы с Вами обсуждали.

Беседовал Александр БУРОВ

[КИФА N4 \(62\) март 2007 года](#)

<http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/1490/>